

БРОДЯЧИЕ СЛОВА

В словарном составе любого языка обычно довольно много слов, заимствованных из других языков. Исконных слов иногда бывает даже меньше. Так, в современном английском около 75 процентов всех употребляемых слов по происхождению французские и латинские. Около трех четвертей всех корейских слов — тоже заимствования, главным образом из китайского.

Русский язык в течение многовековой истории значительно обогатил свой словарный состав за счет заимствований, хотя их количество и не столь велико, как, например, в английском. К сожалению, точных подсчетов количества заимствованных слов в русском языке никто не делал.

Самые разнообразные языки внесли свой вклад в лексику русского языка. Некоторые старые заимствования настолько хорошо прижились в нем, что их иноязычное происхождение не чувствуется совершенно и обнаруживается только с помощью специального лингвистического анализа. Например, русское слово *парус* восходит к древнегреческому *pháros* (фáрос) с тем же значением; слово *жéмчуг* заимствовано из тюркского языка торков, которые поселились на южной окраине Древней Руси и приняли впоследствии язык своих соседей, но оставили в нем не-

сколько слов. Заимствованное слово *лошадь* употребляется в некоторых случаях даже чаще, чем исконное славянское *конь*.

Другая часть заимствованных слов еще не утратила признаков иноязычного облика, так что каждый русский человек легко узнает в них нерусское по происхождению слово. Они часто отличаются от исконных слов и старых заимствований наличием редких звуков и звукосочетаний, своими орфографическими особенностями. Подобные слова принято называть иностранными. Они довольно часто нуждаются в пояснениях, так как относятся к специальной научной и технической терминологии. Для этой цели создаются особые словари иностранных слов.

Многие понятия и предметы, которые не были известны ни в древней Греции, ни в Риме, получают в наше время наименования, основанные на греческих и латинских корнях. Это не случайно, ибо греческий и латинский языки, связанные с культурой античности, имеют высокий культурно-исторический престиж. Знание классических языков и в наше время характерно для культурных людей во многих странах, поэтому греко-латинские слова легко входят в современные языки. Даже такое новейшее понятие, как *космодром*, получило название, «сложенное» из древнегреческих корней. Греческие и латинские корни имеют названия многих старых и новых наук.

Интернациональные слова распространяются через научно-технические и общественно-политические издания преимущественно письменным путем, поэтому они изменяются незначительно при переходе в разные языки. Впрочем, интернациональными могут становиться и слова, заимствованные у народов, не имеющих высокого культурно-исторического престижа, языки которых не пользуются большой популярностью за пределами территории своего основного распространения. Часто это названия каких-то местных своеобразных продуктов, первоначально экзотических, а впоследствии получивших широкое распространение вместе с названием. Именно таким образом во многие языки проникли из языков американских индейцев слова *томат*, *шоколад*, *какао*. Из малозначительных в культурном отношении языков могут заимствоваться также названия местных животных, растений, обычаев и т. п. Например, те же языки американских индейцев дали всему миру названия животных: пума, ягуар, гуанако, лама, опоссум.

Наряду с широко распространенными книжными, письменными, встречаются и устные заимствования, которые воспринимаются не всегда точно и иногда довольно сильно искажаются при передаче.

Во многие языки Европы, вероятно, во время тридцатилетней войны (1618—1648) проникло из языка маленького северного финно-угорского народа — саамов (или лопарей) слово *гамашш*; через немецкое или французское посредство оно вошло и в русский язык. В самом саамском языке это слово звучало *гáмас* или *кáмас*: так саамские оленеводы называли полосы шкуры, снятые с ног оленя и употребляющиеся на подбой лыж, на обувь и рукавицы. Изделия из оленьего камаса отличались особой прочностью и носили то же название — *камасы*. Еще до вхождения в русский язык названия *гамашш* в нем употреблялось как термин оленеводства, кожевенного и обувного дела саамское слово *камасы*, хорошо известное на севере. Оно употребляется, например, в небольшой поэме И. Уткина «Якуты» как экзотическое слово:

Как же мне, кыс [девушка] из большого наслега,
Новые камосы спить?

Если слово *камасы*, непосредственно заимствованное из саамского языка, почти не изменило своего звукового облика и значения, то слово *гамашш*, прошедшее по пути к нам через ряд европейских языков, значительно изменилось и по звучанию и по значению. Но все же и в нем осталось нечто общее, благодаря чему можно узнать, что *гамашш* и *камасы* восходят к одному слову. Подробнее об истории этих слов можно прочитать в журнале «Русская речь» (1970, № 3).

Названия, подобные *камасам* и *гамашам*, обычно распространяются вместе с предметами, которые они называют, а при устном заимствовании фонетический облик слова и значение зачастую претерпевают изменения. Это так называемые «бродячие слова», существующие во многих языках мира. Они легко переходят из языка в язык как устным, так и письменным путем и становятся международным достоянием. Они также образуют своеобразный интернациональный фонд слов, широко распространенных в родственных и неродственных языках, по-своему отражая усиление экономических и культурных связей между народами.

Часто бывает так, что на новой почве заимствующего языка слово сохраняется гораздо лучше, чем в языке, из которого оно заимствовано. Такие примеры можно привести из русско-чувашских языковых взаимодействий. Предки русских и чувашей имели давние связи, о которых мы узнаем уже из старейшей русской летописи — «Повести временных лет». Под 985 годом в летописи рассказывается о походе русских под предводительством князя Владимира в Волжскую Булгарию, которую населяли предки современных народов Волго-Камья, в том числе и чувашей, — болгары, говорившие на древнечувашском языке. Об этом походе летопись сохранила такие сведения: «Иде Володимеръ на болгары съ Добрыною съ воемъ [оуем — дядей] в лодьях. а торьки [народ, говоривший на каком-то тюркском языке] берегомъ приведе на коних. и побѣди бол(г)ары [булгар] реч(е) Добрына Володимеру. съглядахъ колодникъ [смотрел пленных] иже суть вси в сапозѣх. сим дани нам не даяти [эти нам дань платить не будут] поидемъ искать лапотниковъ. и створи миръ Володимеръ съ болгары. и ротъ заходиша [клялись] межю собѣ. и рѣша [сказали] болгаре. толи не будетъ межю нами мира. елико камень начнетъ плавати а хмель почнетъ тонуть. и приде Володимеръ Киеву».

Добрыню поразила богатая обувь болгар. Из других источников нам известно, что выделанные в Булгарии кожи и изделия из нее славились на средневековых рынках. Не случайно поэтому во многих языках из старинного названия древних волжско-камских болгар получилось наименование особо выделанной кожи — юфти или сафьяна. Оно восходит, вероятно, к арабизированной форме прилагательного *бүлгäри* и отмечено в языках: казахском *былғары*, каракалпакском *былғары*, алтайском *булгайры*, узбекском *булғори*, уйгурском *булғар*, бурятском *булгайр*, монгольском *булгаар*, киргизском *булгаары* и др. Известно это слово и в русских диалектах в виде *болгарá*, *болгáр*, *булгар(а)*, как это видно из третьего выпуска «Словаря русских народных говоров», выходящего в издательстве «Наука».

Как память о былой славе волжско-булгарских изделий из кожи, в русском языке до сих пор употребляется также название легких сапожек без каблуков на мягкой подошве, похожих на чулки из кожи — ичигп или ичиги. В современном чувашском этого древнего болгар-

ского слова уже нет; оно было вытеснено словом *атá*, происходящим из другого древнего болгарского говора. Оба слова *ичиг* и *атá* принадлежали к разным диалектам, а происходят они от одного древнего тюркского *этик*, сохранившегося до сих пор в татарском и башкирском названии сапога *итек*, ногайском *этик*. В результате исторических звуковых изменений тюркское *этик* превратилось в разных болгарских диалектах в *атá* (слово осталось в современном чувашском языке в значении 'сапог') и *ичиг* (его чувашаи уже давно не употребляют, однако оно сохранилось в русском языке как памятник древних болгарско-русских языковых связей).

Русское слово *чулок* тоже было заимствовано из болгарского, когда оно там звучало еще как *чулка́* с ударением на конечном слоге. Чулки всегда составляют пару, а в древнерусском было специальное двойственное число, грамматически выраженное у слов мужского рода с помощью ударного окончания *-á* (ср. названия парных предметов *глаза́*, *бока́*, *берега́*, которые с исчезновением двойственного числа стали пониматься как множественное). Болгарское название парного предмета *чулка́* древние русские поняли как двойственное число и сделали от него единственное — *чулок* и множественное — *чулки*. Хотя грамматически древнечувашское слово в русском языке изменилось довольно сильно, но зато в нем лучше, чем в современном чувашском, сохранилось старинное звучание этого слова: ср. современное чувашское *чáлла*, где древнее *у* изменилось в звук *á*, произносимый близко к русскому безударному *а* в словах *травяной*, *рыбка*, а звук *к* превратился в *х*. Такие древние чувашские заимствования в русском языке дают ценный материал по истории звуков чувашского языка.

Чувашское название гриба *кáмпа* взято предками современных чувашей из древнего русского языка. В современном русском это слово сохранилось только в диалектах в виде *губа* со значением 'гриб' да в производном от него названии пористого вещества — *губка*. В чувашском слове произошли звуковые замены: *г* изменилось в глухой *к*, а *б* оглушилось в полужвонкий *п*, но зато чувашский язык хорошо сохранил древнейшее русское произношение корневого гласного. Дело в том, что русский гласный *у* в слове *губа* происходит из так называемого носового гласного, который получился в результате слияния гласного звука *о* с носовым согласным *м* (или *н*). Древнейший

вид русского слова был *го^лба, а еще более древний *гомба. В русском языке не осталось никаких следов носового характера корневого гласного звука, а в чувашском этот признак сохранился довольно хорошо.

По заимствованным словам можно изучать не только культурно-исторические связи народов, но и историю языков, на которых эти народы говорят. Звуковой состав различных языков неодинаков. При переходе из одного языка в другой звуковой облик слова несколько видоизменяется, приспособляясь к фонетике заимствующего языка. По этим изменениям можно узнавать, какой из народов заимствовал слово.

Интересна история греческого *syndokeion* (сундо-кэйон). Это слово давно было заимствовано арабами, в литературном языке которых оно имеет вид *сундук* и, как в греческом языке, значит 'сундук, ящик'. В народной арабской речи два гласных звука *y* (краткий и долгий) испытывали расподобление и первый из них — краткий *y* — был заменен звуком *a*. Эта народная арабская форма слова — *сандук* — попала с тем же значением к персам. Персидское существительное *сандук* было заимствовано почти всеми тюркскими языками: турецким, татарским, казахским, узбекским, уйгурским и другими. Некоторые тюркские языки сохранили звучание слова, полученного от персов: например в современном уйгурском и в старинном чагатайском оно произносится *сандук*; другие тюркские языки — татарский, казахский, турецкий и т. д. — заменили гласный *y* второго слога на *y*; отсюда и слово это звучит здесь *сандык*.

Современное чувашское *сунтӑх*, изменившее свое значение и обозначающее сейчас 'ящик стола' или 'шкафчик для посуды', раньше звучало **сандук* и имело то же значение, что и русское *сундук*. Это русское слово было заимствовано из древнечувашского (булгарского) в более позднее время, когда булгарский язык уже испытал изменение *a* в *y* в первом слоге. Русский язык и в данном случае дает нам сведения по истории чувашского языка: сопоставление древнечувашского (булгарского) **сандук*, русского *сундук* и современного чувашского *сунтӑх* указывает, в частности, что переход в чувашском *a* в *y* в начальном слоге предшествовал изменениям *y* в *ӓ* и *ж* в *х*.

Показания русского языка очень важны, ибо письменные памятники чувашского языка начинаются только с

XVIII века, а русского языка — с XI. Правда, слово *сундук* в русских памятниках известно с XVI века, но в конце XIII — начале XIV века оно встречается в памятнике половецкого языка «Codex Supanicus» в формах *сундук* и *сындук*. В половецкий язык оно тоже, по-видимому, попало из болгарского. Несколько позже из верхового (окающего) диалекта чувашского языка слово *сунтах* попало в марийский язык в виде *шондык*, причем замена *с* на *ш* произошла уже в марийском языке. Удмуртское *сандык* заимствовано из татарского языка, где это слово звучит *сандык*. Относительно коми-зырянского и эрзя-мордовского *сундук* и мансийского *сундук*, *сунтак* трудно сказать определенно, заимствованы ли они одновременно с русским *сундук* из болгарского (древнечувашского) источника или являются новыми заимствованиями из русского языка.

Бродячие слова дают сведения не только по истории языков, которые обмениваются ими, но и рассказывают об истории народов, говорящих на этих языках. Так, широкое распространение в языках Поволжья названия ящика, сундука в болгарско-чувашской огласовке очень ярко показывает большую культурно-историческую роль Волжско-Камской Булгарии в эпоху раннего средневековья в Восточной Европе.

Изучение «бродячих» слов дает историкам большой дополнительный материал, который пока еще используется недостаточно. «Бродячие» слова испытывают иногда прямо-таки настоящие одиссеи, так что сопоставления кажутся на первый взгляд просто невероятными. Например древнее чувашское название головного убора появилось в русском языке с XVI века и звучало при этом *шлык*. Оно употреблялось еще в прошлом веке как название старинной колпакообразной шапки русских крестьян. Вспомним строки из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»:

Кажись, нет ходу крестного,
А словно пред иконами
Без шапок мужики.
Такая уж сторонущка!
Гляди, куда деваются
Крестьянские шлыки.

На этом примере хорошо виден основной закон изменения значений при заимствовании. Если чувашское слово

сёлёк, *ёслёк* обозначает любую шапку, любой головной убор, то в русском языке так называлась только колпакообразная шапка, возможно, распространившаяся от чувашей. Следовательно, при заимствовании значение слова чаще всего сужается. Из чувашского это слово проникло также в марийский — *ислык* и в среднеазиатские тюркские языки, где у него также изменилось значение. В современном узбекском словом *желак* (произносится — джеляк) называется короткое женское покрывало наподобие паранджи с рукавами и украшениями; это переходная между головным убором и одеждой часть женского костюма. В других языках это слово обозначает часть одежды. Пройдя через турецкий, арабский, испанский и французский, это самое слово в конце XVIII века вторично вошло в русский язык как *жилет*. Трудно даже представить, что *жилет* и *шлык* восходят к одному общему источнику.

Наш русский вместе с другими славянскими языками не только заимствовал слова, но и сам был источником обогащения других языков. Так, славянское *коляска* через немецкое посредство (*Kalesche*) проникло уже в XVII веке во французский, где оно звучит *calèche* [калеш]. Во многих европейских языках употребительно русское *степь*. Особенно много славянских слов обнаруживается в немецком языке, куда проникли такие слова: хомут, бич, граница, крупа, сметана, творог, хрен, блин, водка, печать, соболь, стерлядь, самовар, рубль, копейка, тройка, гусли и др. Правда, в немецком и других западноевропейских языках подобные слова подвергались иногда значительным преобразованиям: так, наше *граница* немцы преобразовали в *Grenze* [грэнцэ], а *плотва*, *плотца* — в *Plötze* [плётце], поэтому их не всегда легко узнать.

Проникали русские слова и в восточные языки. Здесь особенно интересна судьба слова *бревно*, которое существует в современном арабском в виде *мўрйна* 'балка, бревно'. Первоначальную его звуковую обработку произвели кыпчаки-половцы, долгое время жившие в степях Северного Причерноморья; в их языке оно стало звучать так, как звучит и сейчас у родственных им казахов — бёрёнё (орфографически — бөрене), но к арабам слово попало из такого половецкого диалекта, в котором начальный звук *б* изменился в *м*. После нашествия татар много половцев

оказалось в Египте и Сирии, куда они и занесли искаженное русское слово.

Иногда ушедшее из нашего языка слово возвращается в новом, иностранном облике. Так было с немецким *кварц* [Quarz], которое от немцев обратно попало к славянам, хотя по происхождению является немецкой переделкой славянского корня *твердый, твердь*. Действительно, кварц — весьма твердый минерал.

Русское слово *грип*, побывав некоторое время во французском, вернулось снова в русский язык настоящим иностранцем. Выглядит оно теперь как *грипп* и даже пишется подобно иностранцам с двумя *n* на конце, хотя произносится лишь одно. Более раннее написание *грип* было ближе к русскому произношению этого слова. Впрочем, некоторые лингвисты считают, что французское *grippe* происходит от немецкого слова со значением 'хватать' и не связано с русским.

Еще более превратна была судьба славянского *пицаль*, которое первоначально обозначало только музыкальный инструмент — дудку, трубу. Потом так стали называть длинное огнестрельное малокалиберное орудие. Именно с этим метафорическим значением термин *пицаль* попал в итальянский, немецкий и французский языки, где он подвергся дальнейшим изменениям. Впоследствии уже значительно преобразованная *пицаль* вернулась к нам в виде *пистоль* или с французским уменьшительным суффиксом *пистолет*.

«Бродячие» слова имеют свою особую, часто весьма прихотливую судьбу. За каждым таким словом кроется маленькая, но поучительная страничка человеческой истории, и языковеды читают эти странички, дополняя ими сведения, содержащиеся в лаконичных старинных летописях. Каждое слово может много рассказать о событиях, свидетелем которых оно было,— стоит только к нему внимательней присмотреться.

И. Г. ДОБРОДОМОВ

В заголовке использована
буквица (Д) из памятника
XV века